

Татьяна Иванько

**МилЛЕниум. Повесть
о настоящем. Том 4**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

МилЛениум. Повесть о настоящем. Том 4 / Иванько Т. В.; худ.
Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 228 с.

ISBN 978-5-532-95881-4

Абсолютное счастье. Наши герои достигли его, но готовы они к тому, чтобы погрузившись в него с головой, наслаждаться им? Для них это благословение или тоже испытание? Как не совершить трагических ошибок? Герои, претерпевшие столько, прошедшие опасности, преодолевшие столько препятствий к тому, чтобы снова быть вместе, оценят ли то, что получили от судьбы? Или счастье утопит их в себе? Или, оскорблённое, уйдёт навсегда?.. Старые тайны, как гноящиеся раны, в конце концов прорываются наружу или убивают изнутри. Тайна, взрывающая жизнь, как вулкан или землетрясение разрушает то, что было построено с таким трудом и ценой стольких жертв... Лёля в отчаянии, устав бороться с последствиями прошлых ошибок и обстоятельств, не способная удержаться на краю пропасти, опустив руки, падает в неё. Сможет ли Лёня быть сильнее своей любимой и спасти её и себя самого.

ISBN 978-5-532-95881-4

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 16	4
Глава 1. Всё иначе...	4
Глава 2. Соперники	19
Глава 3. Объявлена война	28
Глава 4. Тяжёлые времена...	39
Часть 17	50
Глава 1. Как часто слепы ревности глаза...	50
Глава 2. Суша	63
Глава 3. Папа	71
Глава 4. Правда в маске лжи	95
Глава 5. Единственная капля глубже океана, она потопит всех...	109
Часть 18	123
Глава 1. Рай и ад	123
Глава 2. На той стороне Луны	134
Глава 3. Силантьево	145
Глава 4. Спорыня	159
Часть 19	170
Глава 1. Решимость	170
Глава 2. Слезы и отвлечение	189
Глава 3. Поднимается ветер	202
Глава 4. Прогресс	214

Часть 16

Глава 1. Всё иначе...

Осень робко подбирается к городу. Остужает исподволь ночной ветер, темнее закрашивает ночное небо. Запах осени терпкий, как духи старой дамы, суховатый и жёсткий, охлаждает ноздри по утрам. Почему запахи в городе сильнее чувствуешь по утрам?

Моя жизнь изменилась. Я сама изменилась. Я думала, что перемены наступили, когда в Венеции я узнала, что жду ребёнка. Я ошиблась.

Настоящие перемены наступили теперь. Приходить в себя в реанимации роддома было странно, как погружали в наркоз, я не помню, я не помню, потеряла ли я сознание до этого или до операционной дошла сама. Сначала запах хлорки, потом звуки – приглушённый разговор медсестёр на посту, лёгкое постукивание ветки дерева по стеклу, будто кто-то просит впустить...

И ощущение тела другое, не то, что было когда я ещё чувствовала его, а сейчас я не чувствую почти моего тела. Может быть, его уже нет у меня? Может быть, я умерла и поэтому ничего не чувствую?

Но нет. Нет, я дышу! Я чувствую запахи и слышу, значит, я жива! И свет сквозь веки я вижу, светло. День или яркие лампы, но свет. Я открыла глаза. Сначала только сквозь ресницы я увидела светло-зелёные стены, белый потолок.

Я лежу на спине, и я не задыхаюсь... страх, будто ударил в грудь: ребёнок, нет ребёнка, где ребёнок?! Я резко села, но зрение погасло сразу, и резанула боль через живот, накатила такая тошнота, что я со стоном повалилась опять на кровать.

Голос появился возле меня:

– Куда?! Куда ты, куда спешишь, лежи ещё, пять утра, что скачешь-то? – к моим плечам прикасаются чьи-то руки. – Тошнит? Ну, это от наркоза, пройдёт, вот полотенце, – к губам мне прижимают

жестковатую ткань, тоже пахнущую хлоркой. И еще несколько мгновений я не чувствую ничего, кроме выворачивающей рвоты.

– А... ребёнок... мой...мой ребёнок... – у меня дрогнул голос, будто разом высушило горло, но я должна знать! – Где мой сын? – наконец договариваю я, ещё не вижу толком лица медсестры, что стоит возле.

Но её голос улыбается:

– Хороший ребёночек, принесут скоро, не волнуйся, – мягко говорит она, – а теперь тобой займусь, ты лежи пока.

Я смотрю на капельницу, там кровь в плоском пакете, как Игорю капали, помнится, так я и узнала его группу крови, между прочим, и ещё большая бутылка с прозрачной жидкостью.

Солнце ярко светит в окна пустой реанимации, здесь только я. Но скоро привезли ещё одну женщину из операционной, тоже кесарево сделали. Она спит, ещё долго будет спать, меня уже в палату переводят отсюда, надеюсь.

Я снова закрыла глаза. Дремота овладевает мной, но неглубокая и ненадолго. Я услышала шаги по коридору и открыла глаза. Несут моего ребёнка! На руке привычным, отработанным годами, жестом, сестра принесла мой дорогой свёрток в голубом одеяльце. Я села, но уже не так резко и не так прямо, чтобы не потерять снова силы. Глядя во все глаза, я взяла моего мальчика. Боже мой, какой красивый, какой чудесный малыш...

– Какой маленький! – невольно воскликнула я, любуясь его совершенным личиком.

Но сестра хмыкнула снисходительно:

– Да не маленький, хороший, 3500, доносила бы, все три восемьсот было бы, не меньше, а то четыре с лишком. Муж здоровый, небось, сама-то худенькая – без улыбки сказала детская сестра. – Хватит любоваться, грудь дай ему, не видишь, голодный?

Мальчик поворачивает личико и морщится, ещё не плачет. Голодный... научусь понимать, должно быть. Прикосновение этого маленького ротика к моей груди, решительное и сильное, потом радостное, когда он с готовностью принялся сосать пока ещё молочно – божественный бесценный эликсир, в котором концентрат сил

для него, для того, чтобы он скорее привык к миру, в который попал, эликсир, который и питает и защищает как ничто другое.

Волна жара проходит по моему телу от того, как сильно и с видимым наслаждением, приподняв длинные тёмные ресницы, он сосёт мою грудь. Мой мальчик, мой дорогой малыш, мой сын. Моя гордость, моё счастье, я ощущала тебя под сердцем, какая радость теперь увидеть тебя. Наконец-то я вижу тебя, моего дорогого бесценного мальчика.

Я могу смотреть на него, не отрываясь... я коснулась кончиком пальца его гладкой, немного бархатной щёчки, ничего прекраснее нет на свете, я не видела никого прекраснее, ничто не ощущала так сильно и так глубоко в себе как горячее и полностью поглощающее, как цунами, как всемирный потоп чувство, что появилось во мне с его появлением. Вот когда изменилась, полностью и навсегда изменилась моя жизнь и я сама.

У меня сильно кружится голова, я держусь, в животе становится больно и боль всё сильнее, правильно работают рефлексy, но в разрезанном животе это вызывает боль, такую, что меня обдаёт жаром, но это не жар блаженства, как перед этим...

Сынок сосёт так жадно, будто этого момента он ждал... так и ждал ведь все девять месяцев... Мой хороший, моё сокровище, мой золотой мальчик. Он заснул потихоньку, выпуская мой сосок из прекрасного плена. Как ты прекрасен, как ты прекрасен! Того, что я испытываю сейчас, я не ожидала, я не думала, что это такое сильное чувство, я не была даже готова к волне счастья, затопившей сейчас меня. Даже боль, что нарастает во мне, я согласна терпеть, только бы продлить, продлить это первое свидание...

— Ну, покушал, вот и хорошо, давай, поехали пока со мной. Ничего, мамаша, налюбуетесь ещё, ещё надоест, как орать начнёт, да спать не давать. Отдыхайте пока.

Его унесли, но я уже другая. Укол погружает в дремоту, стирает боль, но мне уже не тревожно, не страшно, мне так сладко...

Когда я пробудилась в следующий раз, мне позволили встать. Пришла доктор, как её зовут... Ольга Александровна

— Ну, как, Елена? Сына видела?

– Да, спасибо, спасибо вам, вы нас спасли.
– Не за что. Мужа вашего отпустили. Они герои, оказывается, ста-
ницу от банды отбили, а вы молчали.

– Не я героиня, не моё дело и болтать.

Она улыбнулась. Погладила меня по плечу:

– Да нет, героиня, вон и раны боевые, билась, как дикий зверь, молодец. Казачка настоящая, даром что приезжая. Но рисковала, а если бы убили?

– Да и так бы убили, уже нечего было бояться, кроме унижения.

Ольга Александровна засмеялась, обнажая крупные белые зубы:

– Вы похожи с вашим мужем, он, по-моему, тоже скорее умрёт, чем уронит достоинство.

Я улыбнулась блаженно, Лёня мой, мой милый, слава Богу, что и здесь обошлось. Теперь вообще всё будет хорошо, столько всего мы прошли, что может быть только хорошо, только счастье.

– Вы его пустите ко мне?

Она всё смеётся:

– Пустим. Мы виноваты, так что придётся исключение сделать, тем более вы оба наши коллеги. Главный врач в курсе, разрешил пускать. Только в палату переведём. У нас платные есть одноместные, вам «по благу» сделаем бесплатно. Грехи искупать надо. Хорошо, что разобрались сразу, не засадили, а то знаете, как бывает...

Я увидел Лёлю утром, Ольга Александровна разбудила меня часов в десять:

– Просыпайтесь, Алексей Кириллович, можете сходить к вашим, шестая палата, и ребят сейчас понесут кормить.

Я сел, сна как не бывало, надо же, и ведь смог заснуть, думал, не удастся... Едва наспех умывшись над треснутой раковиной, я почти побежал к шестой палате, открыл дверь так поспешно, что не успел подумать о том, что я увижу там, за ней. Лёля сидела на кровати, спустив босые ноги, но они не достают до пола. Я вижу её милые ступни с розовыми пятками и пальчиками, самые изящные на свете, самые красивые ступни...Рубашка сползла с плеча, у груди, пере-

крывая её от моего взгляда, прижат кулёк, ребёнок, которого я видел и держал на руках раньше его матери.

Лёля подняла голову, улыбнулась, но бледна до цвета молочной бутылки, ни капли румянца ни в щеках, ни в губах, только ставшие чёрными страшные синяки на шее и лице, чёрные корки на опухших губах... на руках бинты уже свежие, скрывают раны.

– Лёня... – улыбка вспыхнула звёздочками в глазах, губах, на щёчках. – Лёничка! – она протянула ко мне руку.

Обнять её сейчас же. Прижаться лицом, грудью, всем существом к ней. Грубая казённая рубашка на ней, она пахнет лекарствами, но сквозь этот запах проступает её собственный волшебный аромат, уже какой-то переменившийся... Малыш не отрывается от её груди, не обращая внимания на наши объятия и поцелуи. Вот и хорошо. Как хорошо. Как славно...

– Митя наш, – сказала Лёля, посвящая меня в отцы этому мальчику, присоединяя к себе и ему.

– Мне показали ещё вчера, поддержать дали даже, – сегодня, при свете дня и в Лёлиных руках он выглядит уже как-то иначе будто, ещё красивее, чем вчера.

– На твой день рождения родился, – она освещает своим взглядом мне душу.

– Наверное, так надо было. И здесь, где мы с тобой... всегда были так счастливы.

– Давай развернём, посмотрим? – хихикнула Лёля.

– Он как подарок в обёртке, да? – улыбнулся я, вместо того, чтобы стать какой-нибудь серьёзной тётей, мамашей, Лёля кажется девочкой из детского сада, которой хочется поскорее рассмотреть подаренную новую куклу.

Мы кладём малыша на пеленальный столик, разворачиваем искусно свёрнутое одеяльце, пелёнки. Он смотрит на нас удивлённо, будто хочет спросить: что вам надо? Тельце у него розовое, ладное, пухлые ручки, ножки, пупочек со скрепкой, на головке светлые волосики, едва мы залюбовались его совершенством, поднялся маленький пенис и выпустил приветственную струю весёлым фонтанчиком. Мы засмеялись:

– Вот вам здарсьте, предки! – засмеялись мы.

Он смотрит на нас, переводя взгляд с одного на другого и... Клянусь, он улыбнулся! Такого не бывает, но он улыбнулся! Немного недоумённо как будто и нерешительно, но улыбнулся. Улыбнулся в ответ на наш счастливый и весёлый смех!

Жизнь состоит из хороших и плохих моментов, с Лёлей я всегда будто на ракете, летящей к солнцу, без неё на той, что уносит меня в черноту. Но и в этом полёте к солнцу у меня, у нас есть необыкновенные, острые моменты счастья. Как сейчас.

– Ну что, молодежь, сможете запеленать, как было? – это зашла детская медсестра, улыбается, глядя на нас. – Через три минуты приду забирать. Вам, мамочка, сейчас капельницу несут, так что пеленайтесь.

Лёля умеет пеленать, завернула, как было и очень быстро, на что Митя стал побрякивать недовольно, голым ему нравилось куда больше. Малыша унесли, уложив на длинный возок с другими младенцами, всего четыре свёртка, три синих одеяльца, одно розовое. На бирочке на его ручке и той, что приложена в одеяльце, написано: «Легостаева» и число 10. 08. 1999.

Лёле приладили капельницу, я подсел на край кровати. Чуть задрался край рубашки на бёдрах... я приподнял выше... Боже мой, я не видел вчера...

– Ты что? – Лёля хмурится немного, смущаясь моего взгляда, хотела опустить сорочку.

Все её бёдра в страшных синяках и ссадинах... Понимаю, почему все так ненавидели меня, пока подозревали в этом...

– Не надо, Лёня, не смотри.

– Жаль, что я мало убил тех, кто это сделал, – сдавленно проговорил я. – Очень... очень больно?

– Не надо, давай забудем, будто ничего не случилось... будто... просто раньше времени родили здесь, в Пятигорске, райском краю.

Слёзы наполнили её глаза, как легко переходит от счастья к горю, больна совсем. Она протянула мне руки, все в ссадинах, уже засохших, намазанных зелёной, ногти обломаны «до мяса». Я обнял её, целуя, осторожно, боясь потревожить иглу от капельницы.

– Вы спасли нас... Если бы не вы... – Лёля зарыдала уже не на шутку.

– Не надо, что ты... – я целую её ладонь, такую маленькую, горячую. – Смотри, как хорошо всё. Разве лучше можно найти места, чтобы родиться? Если только в Крыму ещё...

Лёля смеётся, сквозь слёзы:

– В Крыму другая страна.

– Ну да, всё время забываю... странно это всё до ужаса, да?

Мы болтаем опять, но скоро подступает боль, приходят с уколом наркотика, после которого Лёля задремала. А я долго сидел у неё в ногах, вытянувшись спиной к стене не в силах уйти отсюда.

Надо съездить в Лысогорку, на ночь не оставят ведь здесь, несмотря на весь мой теперешний «блат». Я дождался, пока она проснётся, сняли капельницу, опять принесли Митю кормить. Смотреть на них двоих, объединённых этим трогательным и при этом величественным моментом доставляло мне эстетическое удовольствие. Растрепавшаяся немного коса, спускалась с Лёлиного голого плеча, такого хрупкого, с такой тонкой кожей тоже отмеченной синяком и ссадинами, её профиль, тонкий гордый... она склонилась к сыну с такой нежностью, прижимая щёку к его личику...

– Я пойду, Лёля, наши в Лысогорке новостей заждались, и... помыться уже пора.

Лёля смеётся:

– Да-да и побриться или твоя прекрасная борода превратиться в рыжую лопату.

– И отцу позвонить, он знает, что Митя родился, но...

– Ты не рассказывай ужасов...

– Стерху позвонить? – Я смотрю на неё. Вряд ли отец позвонит.

У Лёли что-то мелькнуло в глазах, в губах, раздумье, сомнение?

– Не надо. Иначе он примчится сюда, едва ты положишь трубку. Приедем в Москву, тогда я позвоню.

Мне хочется сказать, что я не хочу этого, не хочу, чтобы она когда-нибудь звонила ему, но сейчас не время и не место для этого.

Я зашёл в ординаторскую поблагодарить ещё раз и попросить позволения позвонить в Москву.